

ЭО, 2004 г., № 1

Русский Север: этническая история и народная культура. XII–XX века / Отв. ред. И.В. Власова. М.: Наука, 2001. 848 с., ил.

Русский Север – это своеобразный этнографический заповедник, хранилище живых народных культурно-бытовых традиций, письменных, устных и вещественных памятников народного творчества. Не удивительно, что он с давних пор вызывает устойчивый интерес и у этнографов-любителей, и у профессиональных ученых. При этом в новейшее время изучение истории и этнографии Русского Севера не прекратилось, но перешло в новое качество, о чем свидетельствует рецензируемая монография, представляющая собой компиляцию последних данных по исследуемой проблематике.

Авторский коллектив, состоящий из авторитетных специалистов (в основном сотрудников отдела русского народа Института этнологии и антропологии РАН), успешно реализовал системный подход в изучении народной культуры. В центре внимания авторов – традиционная культура русского населения Вологодской земли – центральных районов Русского Севера. Слагаемые традиционной культуры – система расселения и поселений, занятия, усадьба, костюм, пища и утварь, брак, семья и семейная обрядность, религиозно-общественная жизнь и народное искусство – предстают в работе как относительно связанные и относительно независимые черты материальной и духовной жизни, различные по возрасту, происхождению, интенсивности. Каждый из элементов выступает в качестве необходимого дополнения, при отсутствии которого невозможно понять другие. Будучи функционально необходимыми для целостного воспроизводства естественно сложившейся общности, эти элементы являются ее коллективными практиками, социально значимыми видами деятельности, обеспечивающими причастность к целому. В этнологической литературе не получило еще широкого развития подход, заявленный в названии монографии – совместное изучение этнической истории и народной культуры (обычно этническая история и народная культура рассматриваются раздельно). Подобное расширение проблематики позволило авторам не только сосредоточить внимание на генезисе многих явлений традиционной культуры, но и поместить ее в историческую перспективу, представить как процесс, динамичную реальность, понятную лишь с учетом ее развития на протяжении достаточно долгого периода.

Однако исследователи пошли дальше. Как правило, этнографы-предшественники, констатируя гибель русской традиционной культуры в 1930-е годы, игнорировали советский период, либо старались показать лишь то новое, что появилось в это время в жизни людей: анализ традиционной культуры переходил в перечисление инноваций. В рецензируемой монографии советская эпоха включена в рассмотрение именно с точки зрения функционирования в ней традиционной культуры (или ее остатков). В результате многие явления недавнего прошлого и настоящего (например, “раскрестьянивание”), отданные “на откуп” публицистике и воспринимаемые только как социологические, получили статус этнографического факта и осмыслены с точки зрения этнографа, “увидены” его глазами (с. 74, 163–167). При этом не только выявлена парадоксальная “живучесть” традиционной культуры, но и показан сам процесс ее “выживания” в условиях современности (см., например, параграф “Сельское жилище 1920–1990-х годов”). В свете сказанного культурогенез предстает не в качестве “единократного происхождения культуры”, а как совокупность постоянно протекающих процессов, заключающихся в непрерывном порождении новых культурных смыслов наряду с наследованием и трансформацией прежних. Остается пожалеть, что в некоторых главах, посвященных, например, семейной обрядности, этому аспекту уделено мало внимания.

Таким образом традиционная культура Русского Севера рассматривается авторами монографии в качестве сложной, многоаспектной системы, которую они изучают синхронно (через познание морфообразования – выявления основных структурных единиц, признаков-атрибутов, обнаружения взаимосвязи, взаимозависимости важнейших элементов), и диахронно – через постижение внутренней логики развития и модификации ее структур во времени. Это позволило им прийти к важному заключению, что “к XVII в. севернорусское население сложилось в своеобразную этнотерриториальную общность, обладавшую определенными культурно-бытовыми отличиями. Дальнейшие изменения в XVIII–XIX вв. имели характер развития, деформации отдельных напластований, усложнений, которые не изменили общий облик традиционной культуры северян. Сформировались ее общие черты, определились локальные варианты, установились традиционные связи, завершился процесс адаптации в северных условиях” (с. 22).

Стадиальный и временной объем исследуемой авторами традиционной культуры обеспечил стереоскопическое видение процесса ее развития в единстве разных его сторон (на том или ином уровне) и пока-

зал, что ее формирование пришлось на время, “когда в едином этнокультурном развитии уже намечалась тенденция к постепенному снятию локальных различий” (там же).

Данная монография – пожалуй, единственное на сегодняшний день региональное исследование, в котором с наибольшей полнотой реализованы современные требования к источниковой базе подобных работ. Привлечены материалы не только центральной периодической печати, например, таких специализированных журналов, как “Живая старина” и издания РГО (что встречалось и ранее), но и журналы министерств (внутренних дел, народного просвещения, государственных имуществ) и особенно местная периодика: губернские и епархиальные ведомости, труды ученых архивных комиссий, ежегодники музеев, записки научных обществ, адрес-календари и справочные книги губерний, местные статистические сборники. Периодика используется комплексно: наряду с этнографическими описаниями авторы привлекают данные, извлеченные из помещенных в ней статистических, хроникальных и публицистических материалов.

Следует отметить, что “неисчерпаемость” архивных данных по этнографии Русского Севера не просто “декларируется” авторами монографии (как утверждается в рецензии Л.Б. Заседателевой и О.В. Солоповой¹), а они действительно вводят в научный оборот огромное количество материалов из фондов центральных и местных архивов, прежде всего архива РГО и коллекции этнографического бюро князя В.Н. Тенишева, а также архива Вологодской обл. (главным образом фондов Вологодского общества изучения Северного края). Наряду со сведениями, специально собранными с этнографическими и краеведческими целями, авторами монографии использовано большое число “обычной” архивной документации – из фондов синодских и консисторских, Межевого департамента, Центрального статистического комитета, Вольного экономического общества и т.д.

Следует полностью согласиться с заявленным авторами монографии положением: “Этнография связана со всеми сторонами народной жизни, поэтому можно заранее сказать, что нет таких архивных дел, которые не представляли бы интереса для этнографа” (с. 662). Можно только приветствовать стремление исследователей “добыть необходимые сведения” с помощью непривычных пока для этнографа-полевика, но столь банальных для историка процедур “разыскания нужного материала буквально по крупицам” (там же). К сожалению, остались практически не использованными такие содержащие интересный фактический материал этнографического характера источники, как судебно-следственные дела в фондах нижних земских и уездных судов дореформенного периода и волостных судов пореформенного времени, а также документация фондов волостных правлений, сельских обществ и церквей.

О внимании авторов книги к источниковедческой методике свидетельствует, например, попытка провести топонимический анализ данных ревизских сказок (с. 24) – знакомого исследователям, но, насколько нам известно, в таком ракурсе прежде никем не использованного источника. Фактическому материалу в “многочисленных” и “полноценных” описаниях XIX–XX вв. авторами придается статус обследований массового характера, например, при анализе жилья (с. 207). Фактически они признаются равноценными объемам и данным анкет современных экспедиций о сохранившихся старинных постройках.

Результаты исследования свидетельствуют о том, что культурная уникальность Русского Севера возникла в ходе колонизации его русскими как результат адаптации человеческих коллективов к совокупности природных и исторических условий существования. Авторами прослеживается становление севернорусской культуры в целом и ее отдельных форм, локальных вариантов. Одним из главных результатов исследования стало зональное районирование “изучаемой территории в этнографическом отношении” (с. 840).

Адаптивная стратегия культуры ярче всего представлена в главах, посвященных анализу взаимодействия человека с внешней, природной средой, результатом которого выступает материальная культура (или культура жизнеобеспечения).

Последовательное описание поселенческой структуры посредством применения четырех ракурсов: типа расселения, типа поселения, формы поселения и группировки поселений – позволило всесторонне и детально представить ее именно как процесс “обживания” человеком территории. При рассмотрении формы поселений в книге не только устанавливается расположение усадеб и иных хозяйственных построек (что типично для этнографического исследования), но и выявляются “центр” селения, “священные места” с обетными крестами, указываются раскольничьи пустыни, кельи, скиты. Особое внимание уделено северным баням. В книге прослеживаются истоки русской банной традиции и ее развитие на Русском Севере на протяжении нескольких столетий.

Формирование и изменение материальных компонентов традиционной культуры Русского Севера в процессе ее функционирования рассмотрено в исторической конкретности, во взаимодействии с другими явлениями социально-экономического и политического характера. Последовательно придерживаясь принципа историзма, авторы стараются выявить причины, ход, закономерности и особенности трансформации этих компонентов. Их изучение направлено на выявление системной динамики и открывает путь к

новому видению целого, что и позволяет в итоге определить “степень общности культуры как признака консолидации ее носителей”.

К сожалению, духовная культура северян представлена в коллективной монографии не столь подробно и разносторонне, как материальная. Тем не менее главы, посвященные семейным обычаям и обрядам и религиозно-общественной жизни населения Русского Севера, читаются с не меньшим интересом, чем остальные разделы; они столь же информативно насыщены и аналитичны.

В целом традиционная культура Русского Севера предстает в книге исторически конкретной социально-пространственной системой, воспроизводящей и концентрирующей свои основные элементы и отношения, вне которой культурный текст обеднен, уплощен, лишен семантической глубины и попросту не вполне понятен. Она сконструирована противоречиво и раскрывается как процесс, историческая эволюция которого не равномерна, не обратима, не предсказуема и не предопределена. Обладая существенными региональными особенностями, эта культура, как устанавливают авторы монографии, составляла неотъемлемую часть единой общерусской культуры.

Выход в свет рецензируемой монографии – крупное событие в отечественной историко-этнографической науке. Остается пожалеть о скромном тираже издания – всего 1 тыс. экз. Между тем место этой книги не только на рабочем столе исследователя и в научном книгохранилище, но и в домашней библиотеке любителей отечественной истории и культуры.

Примечание

¹ Заседателева Л.Б., Солопова О.В. Рец. на кн.: Русский Север: этническая история и народная культура. XII–XX века. М., 2001 // Этнограф. обозрение. 2003. № 1. С. 159.

С.В. Голикова, Н.А. Миненко

ЭО, 2004, № 1

Татары / Отв. ред. Р.К. Уразманова, С.В. Чешко. М.: Наука, 2001. 583 с., ил. (сер. “Народы и культуры”).

Рецензируемая монография была подготовлена в отделе этнологии Института истории им. Ш. Марджани АН Республики Татарстан в рамках исследовательского проекта Института этнологии и антропологии РАН. Это фундаментальное академическое издание, обобщающее результаты исследований татарстанских этнографов, этносоциологов, историков, искусствоведов за последние десятилетия (с конца 1960-х годов). В книге представлены материалы по всем группам волго-уральских татар (включая и тех из них, которые живут за пределами Волго-Уральского региона), а также по ряду других татарских этнических образований (астраханские, сибирские татары). Хронологически работа охватывает период с начальных этапов этногенеза татар до конца XX в. Основное содержание монографии, как историко-этнографического исследования, посвящено описанию татарского общества и его культуры, включая современное этнокультурное развитие.

Монография “Татары” состоит из 6 частей, 19 глав, “Предисловия”, “Введения”, “Послесловия”, “Библиографии” и большого числа иллюстративных материалов.

В первой части – “Общая характеристика татар” – освещаются особенности диалектного деления языка (Д.Б. Рамазанова) и приводится антропологическая характеристика татар (И.Р. Газимзянов). Впервые в отечественной этнологической науке дается детальное описание структуры татарской этнической общности, процесса формирования татарской этнонации (Д.М. Исхаков). Сформулированы важнейшие принципы иерархического строения татарского этноса, выделения этнических подразделений различного таксономического уровня (этнические группы, субэтносы, этнографические и конфессиональные группы и т.д.).

Во второй части – “Этническая и политическая история татар” – анализируется этнополитическая история народа с VI по XX в., формулируются основные теории этногенеза татар, раскрываются этапы их этнической истории (Д.М. Исхаков, И.Л. Измайлов). Новаторскими являются положения о средневековом татарском этносе, об особенностях позднесредневековых этнических общностей и этнических аспектах формирования татарской нации (Д.М. Исхаков). Детальная характеристика демографического развития татар в XVIII–XX вв. – серьезный вклад в демографические исследования, проводимые в России, это наиболее полный и систематизированный обзор всей демографической информации о татарском населении России и СССР XVIII–XX вв. Кропотливый анализ позволил внести существенный вклад в трак-